

Л. Д. ЛИХАЧЕВА

Произведения шитья Софьи Палеолог из Кирилло-Белозерского монастыря

В состав шитья Русского музея, происходящего из Кирилло-Белозерского монастыря, входят произведения, переделанные в XVIII и особенно в XIX в. История некоторых из них еще не разгадана. Они имеют красные бархатные фоны и украшены кружевом, позументом, трунцалом, бахромой, кистями. Известно, что шелковые ткани, служившие фонами, ветшали от времени, шитье вырезали по контурам и прикрепляли к совершенно новым по назначению предметам. При этом разновременные изображения могли соединить на одном произведении, снабдить их новыми вышитыми деталями и надписями, не соответствующими первоначальному значению и смыслу.

Например, фрагмент с изображением «Успения Богоматери» был пришит к набедреннику. По монастырскому преданию, шитье с изображением «Успения Богоматери» считалось вкладом царя Бориса Годунова.¹

Известно по вкладным книгам Кирилло-Белозерского монастыря, что царь Михаил Федорович и царица Евдокия Лукьяновна сделали много вкладов в монастырь.² Красного бархата палица, в центр которой вставлено прекрасное изображение Богоматери Знамение, судя по всему художественному строю, является их вкладом. Фрагмент, очевидно, составлял один из трех покрывцов, которые одновременно используются в богослужении. Им покрывался потир во время литургии.³

К подобным произведениям относится и епитрахиль XIX в., в которую вставлено шесть фрагментов шитья с поясными изображениями святых, принадлежащих гораздо более древнему времени. Два нижних фрагмента выполнены в знаменитой мастерской Софьи Палеолог, второй жены великого князя Ивана III. На это интересное произведение исследователи до сих пор почти не обращали внимания.⁴

Епитрахиль — это предмет одеяния священников и епископов. Она соединяет в себе два основных символа: благодати Божией и благого священ-

¹ ГРМ, инв № 97, Щекотов Н. М. Древнерусское шитье // София 1914 № 1, вклейка между с 26 и 27 (ил.)

² Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря. Конец XVII в. // РО РНБ, КБ № 87/1325, л. 23

³ ГРМ, инв № ДРТ 109

⁴ ГРМ, инв № ДРТ 267, Маясова Н. А. Древнерусское лицевое шитье из собрания Кирилло-Белозерского монастыря // Древнерусское искусство. Художественные памятники русского Севера. М., 1989. С. 209, сноска 37. Хлебникова Н. А. Малоизвестные произведения мастерской Софьи Палеолог // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1976. М., 1976. С. 202, сноска 14.

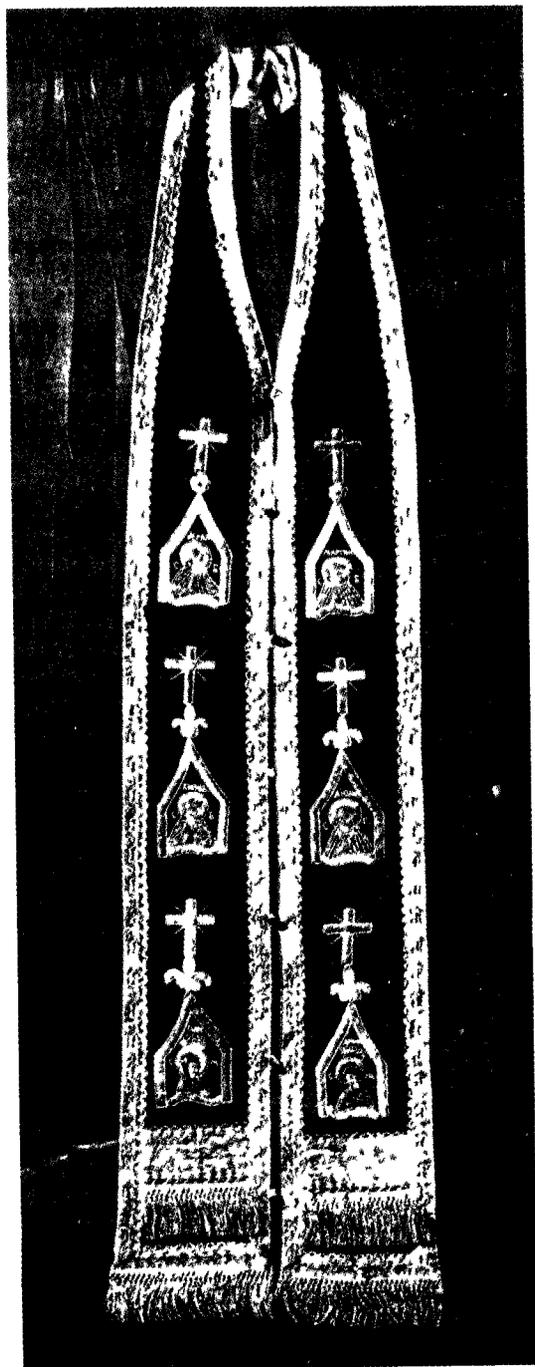

Рис 1 Епитрахиль XIX в с фрагментами шитья XV в ГРМ инв ДРТ 267

ства как крестной ноши, которую духовно несет священник, подражая Христу, несшему свой крест на Голгофу.⁵

Исследуемый памятник имеет две полосы, соединенные стеклянными пуговицами. Произведение украшено кружевом, бахромой, позументом. К красному бархату фона пришиты шесть поясных изображений святых. Судя по поздним надписям, одновременным созданию епитрахили, — это святые, особо почитавшиеся в Кирилло-Белозерском, Ферапонтовом и Горичском монастырях.

Четыре святых в двух верхних рядах — преподобные. Они исполнены по алой камке, судя по их стилю, в московской художественной мастерской в конце XV—начале XVI в. Совершенно ясно, что фрагменты представляют собой остатки пелены, которая когда-то хранилась в Кирилло-Белозерском монастыре. Размер, стиль, техника шитья позволяют назвать еще несколько фрагментов этого произведения, которые вставлены в фелонь, поручи, воздух князя Ивана Андреевича Голицына 1645 г. (к углам последнего добавлены шитые изображения двух архангелов — Михаила и Гавриила, апостолов Петра и Павла).⁶

Шитье, использованное для епитрахили, испорчено шнуром, грубо положенным на одежды для того, чтобы прикрыть почти утраченное шитье на мантиях.

Интересно, что четыре преподобных сняты с сильно обветшавшей нижней каймы пелены, аналогичной целому ряду сохранившихся пелен. Это такие памятники, как «Богоматерь Неопалимая купина и избранные святые» (из Кирилло-Белозерского монастыря),⁷ «Явление Богоматери Сергию Радонежскому и избранные святые» (из Троице-Сергиевой лавры),⁸ две пелены с изображением «Успения Богоматери» (одна — в Эрмитаже,⁹ другая — в Третьяковской галерее.¹⁰). По аналогии с названными пеленами можно сказать, что на переделанной в XIX в. пелене тоже были изображены Антоний и Феодосий Печерские, Савва Освященный, Дмитрий Прилуцкий. Вышивальщицы, создававшие епитрахиль, старались использовать фрагменты так, чтобы они были правильны по иконографии. Они вырезали поясные изображения преподобных, вышив над ними новые надписи. Таким образом получились изображения: Ферапонта и Мартиниана, особо почитавшихся в Ферапонтовом монастыре, Кирилла Белозерского и Дионисия Глушицкого — основателя двух монастырей, иконописца, по монастырскому преданию, создавшего прижизненный портрет преподобного Кирилла. Эти святые особенно почитались в Кирилло-Белозерском монастыре.

При перенесении фрагментов обветшавшей пелены на епитрахиль для изображения Ферапонта было использовано шитье с изображением Антония Печерского; для Мартиниана — изображение Саввы Освященного; для Кирилла Белозерского — Феодосий Печерский; для Дионисия Глушицкого — Дмитрий Прилуцкий.

На особенно интересуют два нижних фрагмента, шитые яркими шелками «в раскол» и украшенные разноцветными крапинками, характерными для мастерской Софьи Палеолог.

⁵ Настольная книга священнослужителя. М., 1993 Т. 4. С. 134—135.

⁶ Лихачева Л. Д. Древнерусское шитье XV—начала XVIII века в собрании Государственного Русского музея: Каталог выставки Л., 1980 С. 7—8; Эрмитаж, инв. № 12237 (цг-1034), фелонь турецкого бархата происходит из Кирилло-Белозерского монастыря, ГРМ, инв. № ДРТ 161, ДРТ 162, Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, инв. № 34 цг

⁷ ГРМ, инв. № ДРТ 31

⁸ Государственные музеи Московского Кремля, инв. № 12663 оп

⁹ Эрмитаж, инв. № ЭРТ-7976, поступила из коллекции И. А. Гальбека

¹⁰ ГТГ, инв. № 20981, происходит из Успенского Княгинина монастыря города Владимира

Напомним, что Софья Палеолог — вторая жена (с 1473 г.) великого князя Ивана III, племянница последнего византийского императора. После падения Византии и захвата Константинополя турками отец Софьи Фома жил с семьей в Риме, и на Руси ее называли поэту римлянкой. Известны ее вклады в Троице-Сергиеву лавру. Это два покрывца на потир и дискос с изображениями композиций «Распятия» и «Се агнец»;¹¹ поручь с прекрасным шитьем с изображением Благовещения с Флором и Лавром по сторонам (в день Флора и Лавра Сергей Радонежский благословил Дмитрия Донского перед Куликовской битвой)¹² и знаменитая пелена 1499 г. «Избранные святые и праздники». Первоначально в среднике пелены был Голгофский крест, украшенный дробницами и жемчугом. Как пишет Т. В. Николаева: «Непосредственной причиной вклада явилось окончание в пользу сына Софьи Палеолог Василия III борьбы за престол с наследниками Ивана III от его первой жены тверской княгини Марии».¹³

В период княжения Ивана III произошло падение татарского ига на Руси. В 1480 г. перед наступлением хана Ахмата на Москву, окончившимся знаменитым «стоянием на реке Угре» и бегством хана, великий князь Иван III отправил свою жену на Белоозеро. Н. И. Костомаров отмечает, что Софья «выехала из Москвы в Дмитров и оттуда водяным путем отправилась на Белоозеро. Вместе с нею великий князь отправил свою казну. Народ с неудовольствием узнал об этом; народ не терпел Софии».¹⁴ Летописец пишет по поводу быстрого возвращения Софьи в Москву (она вернулась после бегства Ахмата): «Тое же зимы прииде великаа княгини София из бегов: бе бо бегала от татар на Белоозеро, а не гонял никтоже».¹⁵

Софья привезла с собой в Кириллов монастырь не только казну, но, как полагалось, должна была сделать вклады в Кирилло-Белозерский монастырь; среди ее вкладов могло быть и шитье.

У двух нижних фрагментов на эпитафиях надписи: «Екатерина С. М.» (святая мученица) и «Дмитрий С. Ц.» (святой царевич). По этому поводу Ю. А. Лебедева,¹⁶ а вслед за ней Н. А. Маясова¹⁷ писали, что на эпитафиях такие изображения потому, что мать Софьи Палеолог звали Екатериной, а одного из ее сыновей — Дмитрием. Но поздние надписи около изображений относятся ко времени создания эпитахий, т. е. к XIX в., а не ко времени Софьи Палеолог, так же как и короны над их головами (по иконографии и великомученица Екатерина, которая была знатного происхождения, и царевич Дмитрий как царский сын изображаются в коронах).

Тот факт, что, судя по поздним надписям, на эпитафиях представлены Ферапонт и Мартиниан Белозерские, Кирилл Белозерский и Дионисий Глушицкий, а также мученица Екатерина и царевич Дмитрий, подтверждает правильность предположения, что многочисленные переделки обветшавшего шитья Кирилло-Белозерского монастыря происходили в близлежащем к

¹¹ Сергиево-Посадский музей, инв № 370, 369, Средневековое лицевое шитье Византия Балканы Русь Каталог выставки XVIII Международный конгресс византинистов М 1991 кат 14, кат 15, с 57, 58 (текст Н А Маясовой)

¹² Сергиево-Посадский музей, инв № 371 Николаева Т В Собрание древнерусского искусства в Загорском музее Л, 1968 С 128, 129 (ил)

¹³ Сергиево-Посадский музей, инв № 413 Николаева Т В Собрание древнерусского искусства С 122, 123, 124 (ил)

¹⁴ Костомаров Н И Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей М 1990 Кн 1, вып 1, 2, 3 С 273

¹⁵ Львовская летопись // ПСРЛ СПб, 1910 Т 20, ч 1 С 347

¹⁶ Лебедева Ю А Каталог древнерусского шитья собрания Государственного Русского музея 1957 (рукопись) // Архив отдела древнерусского прикладного искусства ГРМ

¹⁷ Маясова Н А Древнерусское лицевое шитье С 209 (автор отмечает, что Софья Палеолог могла вложить шитье в Кирилло-Белозерский монастырь в тот момент когда она бежала из Москвы)

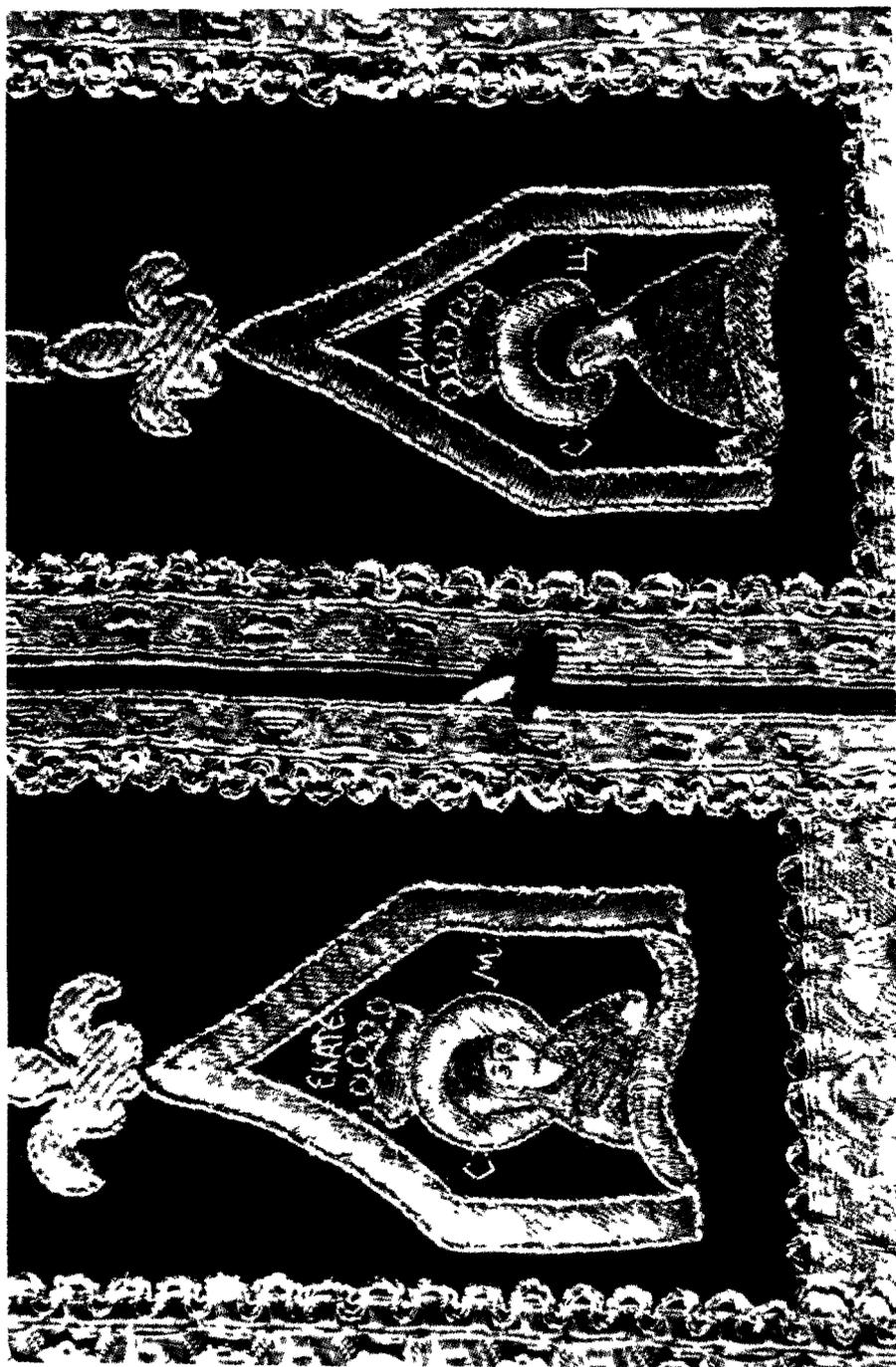

Рис. 2 Два фрагмента шитой пелены «Успение Богоматери» Москва 1480 г
Мастерская Софьи Палеолог ГРМ, инв. № ДРТ 267

нему Горицком женском монастыре, основанном в 1544 г. удельной княгиней Евфросинией Старицкой, постриженной в 1563 г. и сосланной туда. С ней поехали из Москвы и ее вышивальщицы. Она сделала много шитых вкладов в Кириллов монастырь (некоторые из них хранятся в Русском музее) и наладила в Горицах вышивальные мастерские.

В XIX в. (с 1810 г.) после упадка и обеднения монастыря он возрождается при настоятельнице Маврикии.¹⁸

В 1876 г. С. Шевырев восторженно писал о церковном шитье Горицкого монастыря.¹⁹ Именно при Маврикии происходят переделки обветшавшего кирилловского шитья, особенно в 1818 и около 1830 г. Скорее всего, в это время и была сшита епитрахиль.

Не случайно на полосах епитрахили монахини представили Екатерину и Дмитрия. В Горицком монастыре эти святые почитались особо. Центральный собор монастыря — Воскресенский. Он имел несколько приделов, и среди них придел мученицы Екатерины и царевича Дмитрия, строительство которого было закончено в 1611 г. Придел Екатерины и Дмитрия был построен на средства последней жены Ивана Грозного Марии Нагой, матери царевича Дмитрия. Мария Нагая, будучи в изгнании постриженной под именем Марфы в Никольском Выксинском монастыре, в 40 верстах от города Череповца, несколько раз приезжала в Горицы, жила там и делала вклады и в Горицкий, и в Кирилло-Белозерский монастыри. В Кирилловском музее сохранился покров 1592 г. с изображением Кирилла.²⁰ Она дала деньги и на строительство придела Екатерины и Дмитрия, законченного уже после ее смерти в 1608 г.²¹

Совершенно ясно, что когда в Горицком монастыре вышивальщицы переделывали шитье, то использовали обветшавшие древние произведения по своему усмотрению, хотя старались не только придерживаться правильной иконографии, но и посвятить вновь созданные произведения тем святым, которых они особо почитали.

Когда в 1480 г. Софья приехала на Белоозеро, скрываясь от хана Ахмата, она конечно же привезла с собой произведения шитья, выполненные в ее известной мастерской; среди них могла быть и специально шитая для Кирилло-Белозерского монастыря пелена.

Ни один из древнерусских вкладов не был сделан случайно, и его сюжет всегда связан с тем монастырем, куда дар предназначался. Фрагменты шитья Софьи Палеолог представляют собой святую в красном мафории и голубом чепче, приложившую руку к шее в скорбном жесте, и молодого безбородого святого с печальным ликом, в зеленой одежде. Оба повернуты к центру, навстречу друг другу.

По иконографии они подходят к композиции «Успение Богоматери». От нее и сохранились только эти два небольших фрагмента. Это одна из жен и молодой апостол Филипп, которые обычно изображаются в толпе стоящих вокруг ложа с телом Богоматери апостолов, святителей и жен и оплакивающих ее.

Без сомнения, Софья Палеолог могла вложить в Кирилло-Белозерский монастырь пелену «Успение Богоматери», так как центральный собор Ки-

¹⁸ Летопись Горицкого монастыря / Публикация, вступ. статья и коммент. Г. О. Ивановой // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 311—314.

¹⁹ Шевырев С. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 году // Белозерье. Историко-краеведческий альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 140—141.

²⁰ Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Инв. № 37. ит.

²¹ Летопись Горицкого монастыря, С. 300—301, Подьяпольский С. С. Собор Белозерского Горицкого монастыря // Древнерусское искусство. Художественные памятники русского Севера. М., 1989. С. 337.

рилло-Белозерского монастыря — Успенский. Пелена должна была висеть под храмовой иконой, находившейся в местном ряду иконостаса Успенского собора. Одно время в иконостасе было две иконы с этим сюжетом. Пелена Софьи Палеолог могла быть сделана для более древней иконы «Успение Богоматери» начала XV в., ныне хранящейся в Кирилловском музее.²² Это самое раннее произведение шитья Софьи Палеолог: остальные памятники ее мастерской датируются 90-ми гг. XV в.

Таким образом, стало ясным, что в 1480 г., приехав на Белоозеро, Софья Палеолог могла вложить в Кирилло-Белозерский монастырь подвесную пелену с изображением «Успения Богоматери» — храмового праздника центрального собора Кирилло-Белозерского монастыря. Епитрахиль создавалась в XIX в. в Горицком монастыре. Над шестью фрагментами шитья, вырезанными из двух обветшавших пелен конца XV в., монахини вышили надписи, не соответствующие первоначальному смыслу изображенных фигур, связав епитрахиль с тремя монастырями: Кирилло-Белозерским, Ферапонтовым и Горицким.

²² Смирнова Э. С. «Успение» из Кирилло-Белозерского монастыря и проблема традиции в русской живописи первой половины XV в. // Там же. С. 16–29.